

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го Марта 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10677.

Пасха въ Галатѣ.

Это было въ прошломъ году, и, право, нельзя забыть ни обстановки, ни исключительной красочности Свѣтлого дня, который и нѣ пришлось тогда встрѣтить въ Константинополѣ.

Въ страстную субботу мы подходили къ берегамъ Босфора. Утро было красивое, довольно теплое, но капризное по-марговски. Легкія бѣлыя облачка по-минутно за-слоняли солнце, словно паруса невидимыхъ кораблей. Вода становилась матово-фиолетовой, а свѣжие зеленые берега туманились, точно облекались въ вуали.

Но когда глянули на насъ сѣрыя древнія громады генуэзскихъ ба-шень, и пароходъ уже подходилъ къ Галатѣ,—не бо в другъ очистилось, ослѣпительно засверкало солнце, и панорама города, лежащаго на берегахъ двухъ материковъ, открылась нашимъ глазамъ во всей своей весенней красотѣ.

Восхищенные возгласы, смѣхъ, веселыя лица. Около меня группа одес-ситовъ, рѣшившихъ провести Пасху въ Стамбулѣ. Между ними молодой докторъ съ женой, мечтательной блондинкой, которую интересуетъ рѣши-

Пантелеимоновскомъ по-дворьѣ, говорю я. Тамъ мы не будемъ себя чувствовать среди чужихъ; тамъ мы встрѣтимъ Пасху, согласно нашимъ обычаямъ.

Всѣ при- соединяются къ моему мнѣнію, и че-резъ полчаса мы уже весело идемъ изъ турецкой таможни по узкой галатской уличкѣ къ монастырскому подворью. Впереди нась шагаютъ вы-сокіе чалмоносные хам-малы съ на-шими чемоданами, ко-робками, пле-дами и бау-лами.

Все пестро, крикливо, солнечно. Чумазые, полу-голые ребятишки суетятся во-кругъ,—одни что то продаютъ, другіе выпрашива-ютъ метелики. Направо и налево кафе и всевозможная лав-ченки,—вкус-но пахнетъ свѣжей рыбой, кофе и жареной ба-раниной. Кто-то изъ насъ не вытерпѣлъ и уже поку-паетъ у раз-носчика пыш-ный зеле-ный салатъ и огурцы.

Оконченъ путь. Предъ нами голубоватое пяти-этажное зданіе Пантелеимоновского подворья (константинопольское отдѣлѣніе русского монастыря на Аѳонѣ). Высокій монахъ съ ласковыми голубы-ми глазами и длинной сѣдой бородой широко распахиваетъ предъ нами

„Его нѣть здѣсь,—Онъ воскресъ... (Матв. 28.6).

Картина А. Эндерса.

тельно каждая мелочь. Однако, я съ удовольствіемъ даю ей всѣ нужные разясненія,—такъ по-дѣтски она восхищается и радуется.

Гдѣ остановиться? Этотъ вопросъ занимаетъ всѣхъ.

— Я остановлюсь съ женой въ

крепкую железнную дверь. Я здороваясь с ним и целиюсь: мы уже давние знакомые.

Подымаемся по лестнице, расходимся по коридорам, где монах гостинника отводят нам уютные светлые комнаты.

Мы отводят комнату, которую я уже занимал. Окна на Босфор, — раскрываю их, — и веселый уличный шум, крики лодочников и гудки пароходов с Босфора, и веселое дивное солнце входят в комнату. Едва успеваем умыться и переодеться, как нам уже приносят чай, белый хлеб и сардини. О, какой вкусный чай, какой вкусный хлеб! Дома у нас никогда не было такого удивительного аппетита.

После завтрака бродим по городу, преимущественно в Галате. Все пестро, крикливо, оживленно. Море красных фесок и чалм, повсюду играют великолепные восточные шарманки, и, странно, все это уже не кажется чужим, враждебным; напротив, чувствуешь уверенность, что вся эта пестрота и музыка, и солнце, и самые крики разносчиков как бы аккомпанируют твоему приближающемуся празднику.

И как этому не верить? Благодаря обилию в Галате христианского населения, даже туземные лавочки и кафе потеряли свой мусульманский, если хотите, вид. Всюду продаются красенные яйца, расположенные красивыми горками среди зеленого салата, апельсинов и огурцов; продаются барашки с красными флагами, пасхи, бумажные цветы и т. д. Почти на каждом шагу встречаешь разносчиков греков, торгующих иконами, крестиками, четками, священными книгами и душегустыми розовым маслом. Даже восковые свечи теперь можно купить в любой зеленой лавке.

День, такой яркий, красивый день, проходит как бы быстро, и уже садится солнце, и в это только стройные минареты по золочены прощальными лучами, а вся Галата уже охвачена предвечерними тенями.

Мы возвращаемся домой обедать, отдыхаем, а затем отправляемся к заутрене.

Церковь пантелеимоновского подворья расположена над последним, пятнадцатым этажом дома, и вокруг нея обходить широкая открытая терраса, с которой виден весь Константи-

нополь, Босфор вплоть до Мраморного моря и весь анатолийский берег.

Церковь маленькая, но очень красивая, благолепная. Кромешь монахов, очень много молящихся из самой Галаты. У некоторых в руках фески, — это греки, давно ассимилировавшие

скися звезды. Кажется, что их только что омочили в расплавленное серебро.

Внизу бесконечный город, черный, бархатный, и только кое-где мерцают слабые темные огоньки, напоминающие лампады, а налево высится темные

Положение Христа во гробъ.

Картина Ф. А. Каульбаха.

настроение, которого я даже не испытывал у себя на родине.

Стышу — кто-то тихо плачет за моей спиной. Поворачиваюсь. Это жена доктора. Она плачет и улыбается одновременно. На ее глазах слезы, но ее глаза светятся исключительным воссторгом и радостью.

Подходит моя жена со стаканом воды. Женщина немного успокаивается и долго потом смотрит на яркие звезды и в темноту дали восточной ночи, опершись на каменный паркет террасы.

Служение кончается почти в пять часов утра, но мы уже утомлены, мы вдоль, собственно, не отдахи, не сплю, потому что два часа, вслед за доктором и его женой, отправляемся вниз, в свои комнаты.

Пробуждаемся, а солнце уже заполнило всю комнату. Веселый шум на улице, а Босфор выглядит со всеми праздничными: многие пароходы разукрашены флагами.

После ряда поздравлений, стоя в нашей комнате пребывает совершенно пасхальный вид. Нам при-

Гастрономъ.

Картина В. Маковского.

День красного яичка в Харькове.

На Сумской улицѣ.

Юная продавщица.

Снимки В. И. Трескина.

ся с туземным населением. С удивлением встречаешь взгляды нескольких хаммалов из порта: совсем турки по виду, а вот, оказывается, христиане.

Чуть мигают огоньки свечь, шепот молящихся, пение.

Выходим на террасу. О, какая это сказка!

Неподвижная теплая ночь, и ярко горят над нами крупные левантин-

ские туземные населением. С удивлением встречаешь взгляды нескольких хаммалов из порта: совсем турки по виду, а вот, оказывается, христиане.

Чуть мигают огоньки свечь, шепот молящихся, пение.

Выходим на террасу. О, какая это сказка!

Неподвижная теплая ночь, и ярко горят над нами крупные левантин-

ские туземные населением. С удивлением встречаешь взгляды нескольких хаммалов из порта: совсем турки по виду, а вот, оказывается, христиане.

Чуть мигают огоньки свечь, шепот молящихся, пение.

Чистые разбранной пасхой, яйца, сырь, сардины, еще несколько сортов рыб и графин прекрасного вина.

Разговариваем вмес-те, — моя комната достаточно велика и удобна для этого. Где-то непрерывно звенят праздничные колоколы. Настроение приподнятое и радостное.

Выходим на улицу. У дверей подворья пестрая толпа нищих, преимущественно детей и женщин, национальности тут смешались. Изъ

двух больших корзин старый монах наделяет собравшихся белым хлебом и яйцами, раздает также и мелкие серебряные монеты. В течение всего дня подворье осаждается белоголовой.

Но тут же, конечно, покрывают, суетятся и разносчики различных товаров, выжидая монастырских гостей. Их усердие не пропадает даром. Вся наша компания щедро покупает у них белые и красивые фески, расширенные туфли и сумочки, длинные мундштуки с костяной инкрустацией, четки с шелковыми кистями и т. д. и т. д.

В течение всего дня мы встречали в Галате греческую религиозную процессию, которая сопровождалась значительными толпами народа. И, удивительно, ни слов, ни жеста, ни выражения лица мусульман, толпившихся по сторонам улицы во время шествия эти процесии, нельзя было замечать ни раздражения, ни нетерпимости. В этом я имел возможность убедиться и раньше. Напротив, почти все галатские улицы были украшены турецкими флагами...

больших корзин старый монах наделяет собравшихся белым хлебом и яйцами, раздает также и мелкие серебряные монеты. В течение всего дня подворье осаждается белоголовой.

Въ три часа дня вся наша немногая утомленная компания отправилась баловаться шашлыкомъ и артишоками въ одинъ галатскій ресторанчикъ.

Чалмоносный хозяинъ въ видѣ сюрприза собственноручно принесъ намъ къ каждой порціи по крашеному яичку.

Нашъ столъ заливало солнце, а музыка... Два шарманщика расположились въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ нась и, не смущаясь веселымъ хаосомъ, который рождали ихъ разныя пѣсни, все крутили и крутили ручки.

Конечно, они знали, что у насъ сегодня исключительный праздникъ, и были награждены цѣлымъ серебрянымъ меджидиемъ.

Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Мысли Ари Батайля.

Что значитъ любить? Отвѣтьте мнѣ сперва, гдѣ начинается любовь, и гдѣ кончается жалость, тогда я вамъ скажу.

* * *

Великъ только тотъ человѣкъ, который, будучи мученикомъ ли, ученымъ ли, поэтомъ или пророкомъ, разбиваетъ цѣпи и говорить человѣчеству:

— Ты свободно.

* * *

Необходимо, чтобы міръ поднялся до высшаго понятія о добрѣ и злѣ, тогда онъ увидитъ, что есть большія и маленькия добродѣтели и что нѣтъ добродѣтели безъ справедливости и справедливости безъ жалости.

* * *

Всякое страданіе есть отзвукъ пережитаго когда-то счастья.

* * *

Сколько людей не имѣли въ жизни случая проявить свой умъ и свою проницательность. Часто мы думаемъ, что живемъ среди дураковъ, тогда какъ мы живемъ только среди непознанныхъ нами людей.

* * *

Есть перекрестокъ, на которомъ сходятся всѣ дороги, этотъ перекрестокъ—страданія.

* * *

Въ жизни никогда не знаешь, когда надо плакать и когда смѣяться, или, вѣрнѣе, твердо знаешь, что по сдному и тому же поводу можно и плакать, и смѣяться, такъ какъ въ каждомъ дѣлѣ всегда дѣлѣ стороны—одна трагическая, другая комическая.

Мысли Ганса Рейтера.

Дитя заблужденія и истины называетъ ся —гипотеза.

Оптимистъ знаетъ человѣка, пессимистъ—людей.

А. П. Философова.

Извѣстная поборница женского равноправія.

† 17 марта.

Мысли старика О. Блюменталь.

Печь, въ которой мы сжигаемъ наши любовныя пѣсни, называется: крематорій юности.

* * *

Элегическія тирады о минувшей молодости такъ же цвѣтисто лживы, какъ и всѣ надгробныя эпитафіи.

* * *

Старость ужасна не тогда, когда нѣтъ ничего на головѣ, а когда нѣтъ ничего въ головѣ.

* * *

Успѣхъ, даже очень большой успѣхъ,— только маленькая отсрочка передъ за- бвеніемъ.

* * *

Сперва составляютъ себѣ имя, потомъ его отстаиваютъ, потомъ злоупотребляютъ. Такова судьба большинства знаменитостей.

* * *

Похвала нашимъ ближнимъ всегда кажется намъ преувеличенной. Жизнь и общество постепенно стираютъ то родимое пятно, которое отличаетъ насъ отъ другихъ.

* * *

За умную фразу въ двѣ строчки авторъ часто заставляетъ насъ признать за нимъ смягчающія обстоятельства за прежде выпущенные двадцать томовъ.

* * *

У многихъ въ молодости была написана на лицѣ любовь къ человѣчеству, но опытъ стеръ эту надпись.

Растеніе, выдѣляющее горючій газъ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ и красивѣйшихъ декоративныхъ растеній— оно растетъ въ дикомъ состояніи во многихъ странахъ Европы, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вѣны—представляется диктамъ, Dictamnus EraxinePa.

У него ясенеобразные, темнозеленые, блестящіе листья и прекрасные, большие, красноватые, иногда и бѣлые, цветы, расщущіе на двухъ стебляхъ, вышиною въ 2 фута.

Всѣ части растенія: цветы, листья и стебли содержать въ себѣ значительное количество эѳирнаго масла, имѣющаго запахъ лимонныхъ корокъ.

Но, кроме того, диктамъ обладаетъ и другою, не всѣмъ извѣстною, особенностью.

Железы, выдѣляющія эѳирное масло, столь многочисленны и выдѣляютъ въ теплый лѣтній вечеръ такое количество его паровъ, что послѣдніе могутъ горѣть въ видѣ газа.

Если во время цветенія поднести къ растенію горячую спичку, то газообразные пары немедленно вспыхиваютъ, и все растеніе облекается въ яркое пламя.

И замѣчательно, что нѣжные цветы при этомъ не опаляются, и если погода продолжаетъ быть жаркою, то слѣдующій вечеръ можно повторить опытъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ЛЕЧЕБНИЦА д-ра М. П. РЯСНЯНСКАГО,

Пушкинская, 6, телефонъ № 1094.

ЭЛЕКТРИЗАЦІЯ, СВѢТОЛЕЧЕНІЕ, МАССАЖЪ.
ЛЕЧЕНІЕ АЛКОГОЛИЗМА ВНУШЕНІЕМЪ.

Консультации по всѣмъ специальностямъ. ПРИЕМЪ БОЛЬНЫХЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Нервныя и душевн. бол.—д-ръ РЯСНЯНСКІЙ, отъ 5—7 ч. в. Внутреннія бол.—д-ръ ЮРЧЕНКО, отъ 1—2 ч. днія. Венерическія и кожныя—д-ръ ЕГІАЗАРОВЪ, отъ 2—3 ч. д. и отъ 6—7 ч. веч. 15 .0-6.

ГУРЗУФЪ-КРЫМЪ.

Экторъ продаётъ участокъ земли (кв. саж.), съ фруктовыми деревьями, противъ воротъ курорта. Лучшее место для дачи, предпримчивому очень выгодно для эксплоатации. Подробности у Н. Н. Демченко. Харьковъ (Холодная гора), Новорѣзаковая ул., № 3.

ВСЮДУ ТРЕБУЙТЕ

МАКОНЪ

№ 34

Lemaire & C°

• KHARKOW •

• POLTAWA •

• EKATERINOSLAW •

K. 41-4